

АСИММЕТРИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 марта 2010 г.

Аннотация: в статье исследуются случаи проявления структурной асимметрии в синтагматическом аспекте (по В. Г. Гаку) на всех лингвистических уровнях – от фонетического до синтаксического. Предложено различать *адаптивную* (с преобладанием числа форм над числом функций) и *компрессивную* (с преобладанием числа функций над числом форм) асимметрию. Установлено, что чем проще уровень языка, тем симметричнее отношения между адаптивной и компрессивной асимметрией и наоборот. **Компрессивная асимметрия** обеспечивает эффективность языка в оптимальных и стабильных условиях коммуникации. **Адаптивная асимметрия** обеспечивает приспособляемость и сохранение языка в экстремальных и изменчивых условиях коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая асимметрия, синтагматический аспект структурной асимметрии, адаптивная и компрессивная асимметрия.

Abstract: the article explores cases of structural syntagmatic asymmetry (according to V. G. Gak) on all linguistic levels – from phonetic to syntactic. There are two types of asymmetry: adaptive (where the number of forms exceeds the number of functions) and compressive asymmetry (where the number of functions exceeds the number of forms). The simpler the level of language, the more symmetrical are the relations between adaptive and compressive asymmetries and vice versa. Compressive asymmetry ensures effectiveness of language in optimal and stable conditions of communication, while adaptive asymmetry secures adaptability and stability of language in extreme and unsteady conditions of communication.

Key words: linguistic asymmetry, syntagmatic aspect of structural asymmetry, adaptive asymmetry, compressive asymmetry.

Симметрия и асимметрия относятся к фундаментальным принципам мироустройства. Симметрии в лингвистике уделялось значительно больше внимания, она провозглашалась основным, если не единственным принципом организации языка [1; 2 (ср. 3)]. Асимметрии, впервые подмеченной в языке еще древнегреческими стоиками (Хрисипп, III в. до н.э. – книга «Об аномалии», Кратет – «аномалист в вопросах грамматики») [4, с. 169], повезло меньше. Например, Большая советская энциклопедия определяет асимметрию как «отсутствие симметрии» и отсылает к симметрии. В Википедии – воспроизводится определение БСЭ. Энциклопедия Британика вообще не содержит словарной статьи, посвященной асимметрии.

На этом фоне счастливым исключением выглядят работы С. О. Карцевского [5], Вяч. Вс. Иванова [6], Г. П. Мельникова [7] и В. Г. Гака [8; 9]. Наша задача – поддержать их усилия и хоть на йоту уменьшить имеющуюся диспропорцию. В соответствии с открытиями В. Н. Беклемишева [10], воспринятыми и развитыми В. А. Геодакяном [11], развитие в природе

идет от симметрии к асимметрии: шаровой, радиальной, билатеральной и триаксиальной. В лингвистике преобладает билатеральная асимметрия.

Лингвистическая асимметрия многоаспектна. В. Г. Гак видел языковую асимметрию в двух феноменах: 1) в различении ядра-периферии и 2) в расхождении между означающими и означаемыми. Во втором феномене он выделял системную, структурную и функциональную асимметрию. В структурной асимметрии – парадигматическую и синтагматическую [9, с. 47]. Интересующий нас аспект, по В. Г. Гаку, касается структурной асимметрии – «нарушения взаимнооднозначного соотношения означаемого и означающего» в синтагматическом аспекте [9, с. 47]. Мы рассмотрим только асимметрию языковых форм и их функций в синтагматическом аспекте и постараемся показать, что на всех уровнях языка действуют принципиально единые отношения формы и функции.

В отличие от Луи Ельмслева [12] и Андре Мартине [13], противопоставлявших фонетический уровень прочим, Н. И. Толстой, следуя за Бодуэном, заложил основу понимания функционального изоморфизма фонетического и лексико-семантического

уровней пропорцией: «звук речи : фонема = лексема : семема» [14]. Если принять во внимание, что фонема в данном контексте – это звук, выполняющий смысловоразличительную функцию, то очевидно, что обе пропорции построены по принципу «форма : функция». Исходя из этого принципа, можно построить коррелятивный ряд.

инфинитива =ТЬ. Образует от форм прошедшего времени форму инфинитива, заменив –ЛИ на –ТИ или –ТЬ:

несЛИ > несТИ, пеЛИ > пеТЬ, жиЛИ > жиТЬ,
пекЛИ > *пекТЬ, секЛИ > *секТЬ, рекЛИ > *рекТЬ, легЛИ > *легТЬ. Как видим, во всех этих случаях на месте К-ТЬ или Г-ТЬ произносится [Ч].

Т а б л и ц а 1

Формы и функции уровневых единиц языка

Уровень	Форма	Функция	Имя функции
фонетический	звук/фон	фонема	смысловоразличительная
морфемный	морф	сигнема ¹	знаковая
лексический	лексема ²	семема ²	номинативная
синтаксический	фраза	ситуация	коммуникативная

Начнем с простейшего уровня языка – *фонетического*. Симметричное отношение в фонетике 1Ф:1ф, т.е. «1 звук : 1 фонема». Однако эта симметрия нарушается *дифтонгами*: нем. *Leid*, англ. *tu*, фр. *piéd* и даже *трифтонгами*: англ. *our, firing, tyre*. Фонематический статус дифтонгов и трифтонгов даже петербургскими лингвистами, в частности Лией Васильевной Бондарко, определяется через обращение к морфеме и морфемной границе [15, с. 138, 520]: если граница проходит внутри дифтонга-трифтонга, значит, это сочетание двух-трех фонем разных фонем, если морфемная граница не проходит внутри дифтонга или трифтонга – значит, два или три звука представляют одну фонему.

Таким образом, *дифтонг* – это два звука, представляющие одну фонему, а *трифтонг* – три звука, представляющие одну фонему. И дифтонг, и трифтонг являются асимметричными образованиями: 2Ф:1ф или 3Ф:1ф. (Попутно заметим, что в европейской традиции дифтонгами принято называть преимущественно сочетания вокалов с сонантами). А нет ли в языке явлений зеркально симметричных дифтонгам и трифтонгам? Нет ли случаев передачи одним звуком двух или даже трех фонем?

Да, такие явления наблюдаемы. Например, в слове *печь* звук Ч соотносится сразу с двумя морфемами и фонемами. С одной стороны, *пеку-пекут* – Ч соотносится с К в корне ПЕК-. С другой стороны, *несу-нести, брошу-бросить, плачу-плакать, сяду-сесть, ем-есть*: звук Ч соотносится также и суффиксом

Следовательно, один звук обозначает сразу две фонемы, одна форма выполняет две функции. Такие звуки мы назвали *бифонами*.

В словах *ночь* и *дочь* Ч – тоже бифоны, но выясняется это уже при сравнении с родственными языками: *ночь* надо сравнить с лат. *nox, noctis* или с восходящим к нему заимствованию – *ноКТюрн*. Формы же *ДоЧь-доЧери* надо сравнить с лит. *duKTē-duKTers* ‘дочь’. При этом в словах *печь* и *лечь* мы имеем два разных бифона Ч: первый передает [КТ’], а второй – [ГТ’].

А может ли один звук передавать сразу три фонемы? Может. Сравним *пуСТИть-пуЩу* или *проСТИть-проЩать*. В обоих случаях звук [Щ] указывает сразу на три фонемы: {с}, {т}, {и}. Такие звуки мы называем *трифонами*. А вот в паре *ниСК-ниЩит* звук [Щ] будет уже не *три-*, а *би-фоном*, так как соотносится только с фонемами {с} и {к}. Следовательно, это два разных [Щ]: Щ₁={сти} и Щ₂={ск}. Таким образом, мы констатируем, что дифтонгам и трифтонгам зеркально симметричны бифоны и трифоны: формулы 2Ф:1ф, 3Ф:1ф имеют зеркальное отражение: 1Ф:2ф, 1Ф:3ф. Картина фонематической асимметрии будет неполна без учета фонем, обозначаемых нулем звука, и звуков, не выполняющих смысловоразличительной функции. Например, в слове *со(л)н-це* фонема {л} реализуется в виде нуля звука, и эта реализация позиционно обусловлена: в финали русского слога не может быть двух сонантов: ср. *сол-ны-шко*. В словоформе *сох* (глагола *сохнуть*) мы имеем подряд три нуля звука, передающих три функции: {сЪх=н=л_ь}. Здесь мы имеем соответствие нуля формы единице функции: ØФ:1ф. В случае словоформы *сох* мы имеем дело с тремя разными нулями: Ø₁={н}, Ø₂={л} и Ø₃={ь}. Полноценной фонемой во французском языке является *e-muet*, представленное нулем звука, но

¹ Термин *сигнема* (ср. лат. *signo, -āre* ‘обозначать’; *signum* ‘знак, признак’) употребляется нами для заполнения терминологической ниши – передачи значения «функция=означаемое морфемы – минимального универсального знака языка».

² Термины *лексема* и *семема* – в понимании Н. И. Толстого: «Под лексемой... нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой – его содержание» [14].

выполняющее смысловозначительную функцию. Зеркальную этой асимметрию мы наблюдаем в словоформе *читаю* (глагола *читать*) в фонетической транскрипции – [чи-та-йу]. Ср. нес=ти-нес=у. Звук [й] не является ни морфемой, ни частью морфемы, не выполняя смысловозначительной функции. Его функция – разделительная: разделить два вокала, чтобы не допустить зияния внутри слова. Следовательно, здесь звуку не соответствует никакая фонема и мы имеем ситуацию 1Ф:Øf. Возьмем другой пример: *вотчина* и *отчина* (ср. варианты *отчим* (обл.) – *вотчим*). Оба слова имеют один и тот же корень. Или [Г] в слове *гусеница* < *усеница*. (ср. укр. *усениця*, ц.-сл. *юсеница*, польск. *gąsienica*, *wąsienica*) [16, т. 1, с. 477]. Звук [В] или [Г] не выполняет смысловозначительной функции, следовательно, он не соотносится ни с какой фонемой. Сходную функцию выполняет начальный [Е] в испанских словах *espada*, *estrella*, *espacio*. Назначение начального звука – чисто техническое: прикрыть слог (в начале славянского слова) или избежать двух согласных (в начале испанского слова). Формула во всех этих случаях: 1Ф:Øf (один звук – ноль фонем).

На морфемном уровне асимметрия проявляется в том, что «с одной стороны, возникают аналитические образования (ряд означающих соотносится с одним означаемым), с другой – несколько означаемых совмещаются в одном означающем, например, во флексии -ю («делаю») выражается лицо, число и время [9, с. 47]. Тут мы должны уточнить, что звуки [ЙУ], обозначаемые буквой «Ю» в *делаю* [д'элайу], неравноценны: [Й] не обозначает ни одной фонемы, а [У] является трифоном, обозначая фонемы {=О_Мь}. При этом О является суффиксом не прошедшего времени, а {Мь} – действительно, окончанием, имеющим два грамматических значения: 1-го лица и ед. числа. Формула асимметрии для {Мь} – 1Ф:2f. В словоформе *син_ую* флексия [УЙУ] передает два грамматических значения: ж.р. и В.п., а в словоформе *син_ими* флексия [ИМИ] передает значение ед.ч. и Тв.п. Формула асимметрии для {Мь} – 1Ф: 2f.

Сравним *Я спую* и *Я буду петь*. *Буду петь* это не два глагола, а аналитическая форма будущего времени одного – глагола *петь*. Аналогично: сослагательное наклонение образуется сочетанием суффикса прошедшего времени =Л_ и частицы *бы*, восходящей к глаголу *быть*. Например, *Я не то еще сказал*. ББ (А.Т. Твардовский). Формула асимметрии – 2Ф:1f. Иногда морфемный блок может быть функционально равен одному суффиксу. Например, *подава=ла* и *подава=л=ьщ=ик* ‘тот, кто подает’. Формула асимметрии – 3Ф:1f. Или *свидетел=ьство* – *свидетел=ьств=ова=н=ие*. Формула асимметрии – 4Ф:1f. Нулевые морфемы, т.е. морфологические функции, представленные значимым отсутствием звука, обна-

руживаются в случаях *дом_Ø* на фоне *дом_а*, *дом_у*, *дом_ом* и т.д.; *сказал_Ø* на фоне *сказал_а*, *сказал_о*, *сказал_и*. Или *размес=Ø=ти* на фоне *размет=ну=ть*, *размет=а=ть*, *размет=ыва=ть*, *сду=Ø=ть* на фоне *сду=ну=ть*, *сду=ва=ть*. Формула асимметрии для флексий и суффикса – ØФ: 1f. Привести пример зеркально симметричного отношения для морфов мешает понимание морфемы как двусторонней единицы: если у нее нет функции, ее нельзя признать и морфемой [17, с. 115–116].

Синтагматическая структурная асимметрия на лексико-семантическом уровне изофункциональна фонетической. Как отметил в 1980-е гг. в устной беседе с нами В. Н. Чекман, фразеосочетание – лексический аналог дифтонга. В дифтонге два звука – одна смысловозначительная функция, и во фразеосочетании – две словоформы – одна лексико-семантическая (т.е. номинативная) функция, т.е. семема. Понимание фразеосочетания может исходить из асимметрии языкового знака, при котором две и более формы (т.е. словоформы) соотносены с одним означаемым – семемой. По-хорошему, для удобства компьютерного анализа текстов фразеологизмы следовало бы писать через дефис: например, *бить-баклуши* ‘бездельничать’, *сапоги-в-смятку* ‘бессмыслица’, *смотреть-удочки* ‘уйти’, *рвать-когти* ‘убегать откуда-л.’

При таком подходе фразеологизм возникает не раньше, чем появляется синонимичный ему универб. В таком случае фразеологизм никогда не может иметь семемы, не имеющей синонима-универба. Следовательно, фразеологизмы никогда не могут передавать новых, уникальных, беспрецедентных значений. Из этого следует необходимость терминологически различать фразеосочетания – сочетания лексем, синонимичные универбу, и словосочетания – сочетания лексем, совокупная семантика которых не имеет синонима-универба в данном языке. В таком случае словосочетание – предбытие фразеосочетания, заготовка для него. Единственное, что объединяет словосочетание, кроме синтаксических связей, это единство синтаксической функции, которое, как показывает судьба многих наречий, может приводить к универбации словосочетания. Следствия из таких вроде бы банальных рассуждений оказываются не совсем банальными. Например, мы должны признать фразеосочетанием словосочетание *смотреть косо/искоса*, ибо есть глагол *коситься* ‘смотреть косо, искоса; подозрительно относиться к кому-л.’. К переносному значению вопросов меньше: в *косо смотреть* на кого-л. = *коситься* на кого-л. ‘с подозрением относиться к кому-л.’ фразеосочетание признают практически все, а вот с прямым значением *смотреть косо/искоса* = *коситься* ‘смотреть косо, искоса’ как с фразеосочетанием согласятся далеко не все. Сюда же *косить глаза* на кого-л., *бросать косые взгляды* на

кого-л.; *косо глядеть* на кого-л. и т.д. Таким образом, обратная сторона принятого нами подхода означает, что любое словосочетание, синонимичное универбу, при последовательно функциональном подходе является фразеосочетанием, что и зафиксировано практикой составления многих фразеологических словарей. Таким образом, при функциональном подходе («от лексики») границы фразеологии задаются не степенью связанности (совместной употребительности слов), не степенью семантического выветривания отдельной лексемы, а фактом наличия-отсутствия синонима-универба. Так, словосочетания *сладкий перец* и *болгарский перец* оказываются фразеосочетаниями лишь благодаря наличию заимствования из венгерского языка с тем же значением – *пАприка*. По аналогии с дифтонгами и трифтонгами мы можем различать *бивербы*: *косить глаза, смотреть косо* на кого-л. и *тривербы*: *бросать косые взгляды* на кого-л. Они соответствуют формулам 2Ф:1f и 3Ф:1f.

А есть ли в речи зеркально симметричные явления, подобные бифонам и трифонам?

Да, есть. И замечены они не сегодня, хотя до сих пор учебники лексикологии обходят их своим вниманием.

Это *метасемия* Г. П. Мельникова [7], при которой одна форма соотносится с двумя и более значениями. Это *речевая полисемия* Ф. А. Литвина [18]. Это примеры каламбурного употребления слов, при котором одна и та же форма одновременно соотносится с разными содержаниями, т.е. одновременно выполняет несколько номинативных функций. Например, в четверостишье

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, *волнуясь*, буйный Терек
Старцу снова говорит...

(М. Ю. Лермонтов, «Дары Терека»)

налицо совмещение двух значений глагола ВОЛНОВАТЬСЯ: 1) находиться в колебательном движении, образующем волны, и 2) испытывать волнение (во 2-м знач.).

На возможности одновременного приписывания одной форме нескольких разных функций построены многие анекдоты.

Приехал корреспондент в деревню, спрашивает колхозницу: «У вас председатель **перестроился?**» – «Да». – «А партсекретарь?» – «Тоже **перестроился**». – «А агроном?» – «Этот не успел – лесу не хватило».

Реализуются значения «изменить стиль своей работы» и «перестроить свое жилье».

Проезжает Горбачев мимо винного магазина, видит огромную очередь за водкой. Останавливается, заходит в магазин, спрашивает: «А что, коммунисты среди вас есть?» – «Есть». – «**Гнать** надо!» – «Так ведь сахара нет, Михаил Сергеевич!»

В силу неполноты контекста глагол *гнать* реализует два разных значения: «исключать из партии (пьющих)» и «получать перегонкой (из сахара самогон)». Одной лексеме соответствуют две семемы.

Несколько иной характер имеет асимметрия в примере:

«Перед атакой водку – Вот мура!»

Свое отпили мы еще в **гражданку**»

(В. Высоцкий, «Штрафные батальоны»).

В данном случае *гражданка* – это «*гражданская жизнь*», как *газировка* – «*газированная вода*». А если так, то и тут одна лексема соотносена с двумя семемами. Такое употребление по аналогии с известным термином *моносемный* уместно назвать *бисемным*. Соответственно, слова *Ленинка* и *Щедринка*, означающие «библиотека имени Ленина» и «библиотека имени Щедрина», или *вечерник* – «*студент вечернего отделения*» можно назвать *трисемными*. Таким образом у *би-* и *тривербов* имеются зеркально симметричные *бисемные* и *трисемные* пары, что соответствует формулам 2Ф:1f, 3Ф:1f и 1Ф:2f, 1Ф:3f. Лексемы могут не соотноситься с семемами, если предметом речи является их форма, а не семантика. Например, «Я пишу *цыганы*, а не *цыгане; татаре*, а не *татары*. Почему? потому что все имена существительные, кончающиеся на *анин, янин, арин* и *ярин*, имеют свой родительный во множественном на *ан, ян, ар* и *яр*, а именительный множественного на *ане, яне, аре* и *яре*. Все же существительные, кончающиеся на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множественном именительный на *аны, яны, ары* и *яры*, а родительный на *анов, янов, аров, яров*» (А. С. Пушкин). Лексеме не соответствует никакая семема. Формула асимметрии: 1Ф:∅f. Конструкции с так называемыми «нулевыми глаголами» демонстрируют зеркальную асимметрию с нулем формы. Например, *А мы рукой (машем) – на прошлое – враньё! А мы с надеждой (смотрим, глядим) в будущее – свет* (Б. Окуджава); *Вот вы прибыли на место, (взяли, получили) Ружья в руки и воюй. Дед – (начал, принял, пошел, принял) плевать. Тёркин (рванул, раскрыл, распахнул) – ворот нараспашку. Да об этом уж нечего (говорить, толковать рассуждать)* (А. Т. Твардовский). Формула асимметрии: ∅Ф:1f. Поскольку нулевая лексема в каждом конкретном случае соотносена с целым классом семем, уместно «нулевые глаголы» обозначить более информативным термином – *гиперсемема*.

В *синтаксисе* число *фраз* и обозначаемых ими *ситуаций* также может не совпадать. Этому явлению в предложениях с конструкцией «если А, то Б» посвятила свою монографию и докторскую диссертацию Татьяна Андреевна Колосова [19]. Имеются в виду случаи типа «(1) *Если Вы хотите пообедать, то (2) столовая – за углом*». Неужели, если собесед-

ник обедать не хочет, то столовая окажется в другом месте? Причинно-следственной связи, на которую указывает конструкция, явно нет. Почему же эта конструкция возможна? Потому что она представляет редукцию формальной стороны правильной, но более длинной конструкции: (1) *Если Вы хотите пообедать, то* (2) **Вам полезно знать, что** (3) *столовая (есть) за углом*. Часть *Вам полезно знать, что* опускается без ущерба для успеха коммуникации: слушающий ее легко восстанавливает. Следовательно, и тут асимметрия – сложного предложения: 2Ф:3f. Фраза *Друзей моих медлительный уход Той темноте за окнами угоден* (Б. Ахмадулина) по форме – одно простое предложение: *Уход (есть) угоден темноте*. Содержательно эта фраза передает три ситуации: (1) *Друзья медлительно уходят*, (2) *Это угодно темноте*, (3) *Темнота (есть) за окнами*. Симметричный вариант (3Ф:3f) был бы таким: *То, что (1) друзья медлительно уходят, (2) угодно той темноте, (3) которая (есть) за окнами*. Таким образом, будучи по форме одним простым предложением, данная фраза обозначает три ситуации. Формула 1Ф:3f.

Другой тип асимметричных синтаксических явлений – инфинитивные предложения, возникшие в результате компрессии: *Тучам (D) солнца (X) не скрыть (Inf)*, *войне (D) мир (X) не победить (Inf)* (Пословица); *Нам (D) теперь стоять (Inf) в ремонте (X)* (А. Т. Твардовский).

Эти предложения понятны на фоне предложений типа *Врачи разрешили ему тренироваться*, в свою очередь, являющихся свернутыми вариантами предложений типа: *Врачи разрешили, чтобы он тренировался*. Формула: *A* выражает свою волю **ЧТОБЫ X**, *X = Он тренируется*. *A = Врачи*.

Сравним предложение: *Ректор разрешил нам осмотреть университет* <=> *Ректор разрешил, чтобы мы осмотрели университет*. *Ректор разрешил, чтобы имело место X (X = Мы осмотрели университет)*. Таким образом, предложения этой структуры содержательно состоят из двух простых предложений *Врачи разрешили X (= ему тренироваться)*. *Ректор разрешил X (= нам осмотреть университет)*. Как видим, объектом волеизъявления является целое положение дел, нормативно описываемое двусоставными предложениями (*Он тренируется; Мы осматриваем университет*), а в свернутом виде – инфинитивными конструкциями (*ему тренироваться, нам осмотреть университет*). Обратим внимание на то, что формально инфинитивные конструкции тождественны инфинитивным предложениям. Так мы получаем ответ на вопрос, откуда взялась форма инфинитивных предложений этого типа.

Теперь выясним, откуда взялась семантика необходимости и долженствования в инфинитивных предложениях этого типа.

Субъектом волеизъявления в двусоставных предложениях (назовем их ПРОТО-ИНФИНИТИВНЫМИ) является не *врач* или *ректор*, а **БОГ**. Прото-инфинитивное предложение выглядит следующим образом:

БОГ СУДИЛ, ЧТОБЫ ИМЕЛО МЕСТО X (КТО/ЧТО ДЕЛАЕТ ЧТО-Л.) <=> БОГ СУДИЛ – КОМУ/ЧЕМУ – ДЕЛАТЬ ЧТО-Л. Вместо глагола СУДИТЬ в эту формулу можно подставить другие глаголы волеизъявления: ВЕЛЕТЬ ДАТЬ, ПОЗВОЛИТЬ, ДОПУСТИТЬ и т.п., а вместо слова БОГ – слова ВСЕВЫШНИЙ, РОК, СУДЬБА, УЧАСТЬ, ФАТУМ, ФОРТУНА, НЕБО, НЕБЕСА, ПРОВИДЕНИЕ, ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРИРОДА, СЛУЧАЙ и т.п. – семантический инвариант останется неизменен: «Высшая воля, неподвластная человеку». Предложения этого типа мы назвали надлично-дебитивными. Прото-инфинитивное предложение имеет два залоговых варианта: действительный и страдательный. **БОГ СУДИЛ – КОМУ/ЧЕМУ – ДЕЛАТЬ ЧТО-Л <=> БОГОМ СУЖДЕНО – КОМУ/ЧЕМУ – ДЕЛАТЬ ЧТО-Л.** Такое семантическое наполнение конструкции объясняет неперемное наличие семантики долженствования в надлично-дебитивных предложениях: воля Бога исполняется с необходимостью. Мнение, что такие предложения несводимы к двусоставным предложениям, опровергается двумя способами.

Во-первых, употреблением в речи прото-инфинитивных предложений. Например: *Не даст тебе Господь согрешить с нею <=> Не согрешить тебе с нею; (Природой) здесь нам (суждено) в Европу прорубить окно. Знать, (сулил) мне (рок) с могилой обвенчаться молодцу. – Мне не (суждено) быть Вашей женой. Серпилин считал, что этому немолодому и многосемейному солдату... (сам Бог велел) быть ординарцем (Симонов).*

Во-вторых, формально-семантическая эквивалентность прото-инфинитивных и надлично-дебитивных предложений доказывается возможностью их взаимного трансформирования. Поскольку первая часть прото-инфинитивного предложения имеет субъектом носителя высшей воли, механизм и причины трансформации прото-инфинитивных предложений в инфинитивные хорошо известен: это – табу. В этом же – ответ на вопрос, почему предложение *Валя не велела, чтобы я пил* не трансформируется в инфинитивное *Мне не пить*, а предложение *Бог не судил, чтобы я пил* или *Мне не суждено (свыше) пить* трансформируется в предложение *Мне не пить*. Ср.: «Одесса, мне не пить твое вино» <=> «Одесса, (Бог) мне не (судил) пить твое вино». В надлично-дебитивных предложениях одной фразе соответствует две ситуации: Выражения высшей воли (*Бог не судил, чтобы X*) и *X = Я пил вино Одессы*. Формула асимметрии 1Ф:2f.

Само молчание может быть информативным. Достаточно указать на фигуры умолчания в концовке «Бориса Годунова» у А. С. Пушкина и «Ревизора» у Н. В. Гоголя, где на ноль фразы приходится не менее одного синтаксического означаемого: $\emptyset\Phi:1f$.

Как показало исследование Т. А. Колосовой, синтаксическая асимметрия преимущественно односторонняя: содержание, как правило, богаче формы, что исследовательница связывает с действием закона экономии усилий. По-видимому, явления в синтаксисе, зеркально симметричные описанным выше, возможны, хотя вряд ли широко распространены.

Вероятно, к ним можно отнести семантически опустошенные этикетные фразы: *Спасибо < Спаси (тебя) Бог!, Как поживаете?* Ср. англ. *How do you do? Здравствуйте!* Или *Здравия желаю! Честь имею кланяться!* и т.п. Их можно интерпретировать как фразы, не соотносимые с формально обозначаемой ситуацией. Формула асимметрии $1\Phi:\emptyset f$.

Подведем итоги. Асимметрию, встречающуюся на разных уровнях языка, назовем *осевой*. В табл. 2 представлена осевая асимметрия языковых уровней.

По-видимому, есть необходимость терминологически различить два типа асимметрии. Асимметрию с преобладанием числа форм над числом функций можно назвать *адаптивной*, поскольку она позволяет порождать новые содержания (функции) и тем самым способствует адаптации системы языка к любым условиям. Асимметрию с преобладанием числа функций над числом форм назовем *компрессивной*, ибо она, как правило, возникает в результате сокращения числа форм при неизменности числа функций.

Как видим, чем проще уровень языка, тем симметричнее отношения между адаптивной и компрессивной асимметрией, и наоборот. На фонетическом уровне адаптивная и компрессивная асимметрия зеркально симметричны друг другу. На синтаксическом уровне симметрия между адаптивной и компрессивной асимметрией минимальна. Мы видим, что язык воспроизводит закономерности биологических систем: от полной симметрии у простейших к полной асимметрии у сложнейших.

Компрессивная асимметрия имеет своей ведущей причиной закон экономии усилий, состоящий в том, что при прочих равных говорящий стремится затратить как можно меньше усилий для передачи того же количества информации. Поскольку экономия усилий повышает эффективность функционирования системы, закон экономии усилий рассматривают как аналог инстинкта самосохранения в биологических системах, в которых вследствие конкуренции выживают лишь наиболее эффективные виды и индивиды. Таким образом, *компрессивную асимметрию* можно трактовать как механизм, обеспечивающий эффективность языка в оптимальных и стабильных условиях коммуникации. *Адаптивная асимметрия* в силу своей избыточности обеспечивает языку гибкость и приспособляемость к любым принципиально непредсказуемым (в силу своего бесконечного разнообразия) условиям и режимам общения, ибо комбинации форм позволяют порождать бесконечное количество новых содержаний, что применительно ко всем уровням, кроме фонетического, означает и богатство новых содержаний. Таким образом, *адаптивную асимметрию* можно трактовать как механизм, обеспечивающий приспособляемость и сохранение языка в экстремальных и изменчивых условиях коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М., 1958. – Т. I–II.
2. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М., 1977. – 696 с.
3. *Пономаренко И. Н.* Симметрия/асимметрия в лингвистике текста : дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Пономаренко. – Краснодар, 2005. – 322 с.
4. *Античные теории языка и стиля* (антология текстов). – СПб., 1996. – 364 с.
5. *Карцевский С. И.* Об асимметрическом дуализме лингвистического знака / С. И. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М., 1965. – Ч. 2. – С. 85–90.
6. *Иванов Вяч. Вс.* Нечет и чёт. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов // Избран-

Т а б л и ц а 2

Осевая асимметрия языковых уровней

Фонемная	Морфемная	Лексическая	Синтаксическая	Осевая
АСИММЕТРИЯ				
3Ф:1f	3Ф:1f	3Ф:1f	–	адаптивная
2Ф:1f	2Ф:1f	2Ф:1f	–	
1Ф:∅f	–	1Ф:∅f	1Ф:∅f	
1Ф:3f	–	–	1Ф:3f	компрессивная
1Ф:2f	1Ф:2f	1Ф:2f	1Ф:2f	
∅Ф:1f	∅Ф:1f	∅Ф:1f	∅Ф:1f	

ные труды по семиотике и истории культуры. – М., 1999. – Т. I. – С. 381–604.

7. Мельников Г. П. О типах дуализмов языкового знака / Г. П. Мельников // Науч. докл. высш. шк. – Серия : Филол. науки. – 1971. – № 5. – С. 54–67.

8. Гак В. Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании / В. Г. Гак // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. – Калинин, 1980.

9. Гак В. Г. Асимметрия в языке / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 47.

10. Беклемишев В. Н. Основы сравнительной анатомии беспозвоночных / В. Н. Беклемишев. – М., 1964. – Т. I. – 432 с.

11. Геодакян В. А. Эволюционные теории асимметризации организмов, мозга и тела / В. А. Геодакян // Успехи физиологических наук. – М., 2005. – Т. 36. – № 1. – С. 24–53.

12. Ельмслев Луи. Прологомены к теории языка / Луи Ельмслев // Новое в лингвистике. – Вып. I. – М., 1960. – С. 264–389.

13. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III. – С. 366–566.

14. Толстой Н. И. Из опытов типологии славянского словарного состава. I (1963) / Н. И. Толстой // Избранные труды : славянская лексикология и семасиология. – М., 1997. – Т. I. – С. 44–69.

15. Бондарко Л. В. Дифтонг. Трифтонг / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 138, 520.

16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – 4-е изд., стер. – М., 2004. – Т. 1 : А–Д. – 588, [4] с.

17. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – М., 1973. – 304 с.

17. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи : учеб. пособие / Ф. А. Литвин. – М., 1984. – 119 с.

18. Колосова Т. А. Русские сложные предложения ассиметричной структуры / Т. А. Колосова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Новосибирск, 2008. – 211 с.

Воронежский государственный университет

Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: a_a_kretov@rambler.ru

Тел.: 8 (4732) 20-41-49

Voronezh State University

Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

E-mail: a_a_kretov@rambler.ru

Tel.: 8 (4732) 20-41-49